

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора	7
Книга первая. Кто и где	9
Книга вторая. Первая жертва	130
Книга третья. Вторая жертва	300
Книга четвертая. Третья жертва	376

*Двум моим зятям,
Лину Флуку
и
Питеру Дункану Маклеоду*

Настоящее, как и прошлое,
Возможно, сходятся в будущем.
А будущее помещается в прошлом¹.
Т. Элиот

¹ Перевод И. Гансвинд.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Хочу повиниться перед лондонскими властями и перед всеми, кто любит Хэмпстед¹. В этой дивной, заслуживающей всяческого почитания местности я нахально разместила несуществующий музей Дюпейна. Другие упоминающиеся в романе места реальны. Знаменитые убийства, представленные в Комнате убийств в качестве экспонатов, — реальные преступления. Считаю важным еще раз подчеркнуть: музей Дюпейна, его владельцы, персонал, добровольные работники и посетители — выдуманы. То же касается колледжа Суотлинг и вообще всех героев этой книги. Заодно следует извиниться за искажения в описании работы лондонской подземки и железнодорожной ветки, соединяющей Кембридж и Лондон. Впрочем, пассажиры общественного транспорта могут счесть эту уловку не слишком и значительной.

Как всегда, я выражаю благодарность доктору Энн Пристон из службы судебной экспертизы и моей секретарше, миссис Джойс Маклинен. И особенно я обязана мистеру Эндрю Дугласу, офицеру той же службы, который просветил меня в вопросах, касающихся подозрительных пожаров и их расследования. Он оказал мне неоценимую помощь.

Ф. Д. Джеймс

¹ Хэмпстед — фешенебельный район на севере Лондона. — *Здесь и далее примеч. пер.*

КНИГА ПЕРВАЯ

КТО И ГДЕ

Пятница, 25 октября — пятница, 1 ноября

1

Адам Дэлглиш впервые посетил музей Дюпейна двадцать пятого октября, в пятницу, ровно за неделю до обнаружения там первого тела. Визит был случайным, решение — спонтанным. В событиях этого дня он видел одно из причудливых совпадений, которые нас всегда удивляют, хотя и случаются не так редко, как того требует здравый смысл.

Дэлглиш вышел из здания Министерства внутренних дел на Куин-Эннз-гейт в половине третьего, после долгого утреннего совещания, в котором был единственный коротенький перерыв (неважный кофе и бутерброды, как обычно), и теперь направлялся к располагавшемуся неподалеку Нью-Скотленд-Ярду, своему месту работы. Волей того же случая Дэлглиш шел один. Полицейских на совещании собралось много, и он наверняка шагал бы сейчас в компании коллеги, если бы один из министерских чиновников не попросил его зайти пораньше. Требовалось обсудить один вопрос, никак не связанный с утренними делами. Совещание, как и ожидалось, вызвало кучу дополнительной бумажной работы. Срезая путь к Бродвею через переход на станции «Сент-Джеймс-парк», Дэлглиш прикидывал, вернуться ли в офис, где, не исключено, его весь день будет дер-

гать, или взять бумаги домой, в квартиру на набережной Темзы, чтобы спокойно поработать.

На совещании не разрешалось курить, но в комнате и без того надышали, и теперь он наслаждался свежим воздухом, пользуясь недолгой прогулкой. День был ветреный и не по сезону ясный. В прозрачном голубом небе метались сбившиеся в кучу облака, и Дэлглиш мог бы вообразить этот день весенним, да только от реки остро пахло морем — конечно же, не без участия его воображения — и дул пронизывающий ветер. Стоило полицейскому выйти из подземки, ветерок сразу на него набросился.

Несколькими секундами позже Дэлглиш увидел Конрада Акройда. Он стоял на углу Дейкер-стрит, придвинувшись к самому краю тротуара, и смотрел то в одну, то в другую сторону. Такая смесь тревоги и надежды присуща всем, кто пытается поймать такси. Акرويد почти сразу заметил Дэлглиша и пошел навстречу, протянув обе руки, радостно улыбаясь из-под широкополой шляпы. Теперь невозможно было избежать встречи — да и не нужно. Мало кто не обрадовался бы, встретив Конрада Акройда. Хорошее настроение, не покидающее его круглый год, интерес к мелочам, любовь к сплетням и, главное, бьющая в глаза независимость от прожитых лет — все это вселяло в людей надежду. Он выглядел так же, как и в их первую встречу, состоявшуюся не одно десятилетие назад. Представить Акройда тяжело заболевшим или переживающим личную трагедию было трудно, а уж известие о его смерти друзья и вовсе сочли бы нарушением естественного порядка вещей. Дэлглиш предполагал, что в этом и заключался секрет популярности Акройда: глядя на него, окружающие могли тешить себя иллюзиями и не ждать от судьбы подвоха. В его одежде, как и всегда, наблюдалось подкупающее своеобразие: мягкая фетровая шляпа лихо заломлена, крепенькая фигурка скрыта плащом из пурпурно-зеленой шотландской ткани. И только Акرويد, единственный среди знакомых Дэлглиша, носил гетры.

— Адам! Потрясающая встреча! Я гадал, на месте ли ты, мой дорогой, но заходить не стал. Испугался. Вряд ли бы меня пустили, а все же, проберись я туда, вряд ли дали бы уйти. Мы тут с братом пообедали. В одной гостинице — здесь, неподалеку. Он раз в год приезжает в Лондон и всегда в ней останавливается. Брат — набожный католик, а от гостиницы рукой подать до Вестминстерского собора. Там его знают и относятся с пониманием.

Относятся с пониманием к чему? И к чему относилось это замечание — к гостинице, собору или и тому, и другому вместе?

— Не знал, что у тебя есть брат, Конрад, — сказал Дэлглиш.

— Едва ли я сам об этом толком знаю. Мы так редко видимся. Брат, так сказать, затворник... Он живет в Киддерминстере, — добавил Акройд, будто это все объясняло.

Дэлглиш уже собрался пробормотать, что ему «очень жаль... ничего не поделаешь... пора...», как его спутник заметил:

— Старина! Полагаю, заставить тебя не в моих силах, но я хочу на пару часов зайти в музей Дюпейна в Хэмпстеде. Почему бы тебе не присоединиться? Ты, конечно, знаешь об этом музее?

— Да, однако не был там ни разу.

— Это ты зря, зря. Место очаровательное! Музей посвящен периоду между двумя мировыми войнами — 1919–1938 годам. Он невелик, но представляет все, что имеет отношение к той эпохе. У них есть хорошие картины: Нэш, Уиндем Льюис, Айвон Хитченс, Бен Николсон. Особенно тебя заинтересует библиотека. Первые издания, несколько рукописей и, само собой, поэты тех лет. Поехали!

— Может, в другой раз?

— Да не будет у тебя другого раза! А сейчас ты попался. Это судьба. Уверен: твой «ягуар» нежится где-нибудь здесь, в подземном гараже столичной полиции. Мы можем поехать на машине.

— Ты хочешь сказать, я могу тебя отвезти.

— А потом отправимся в Суис-коттедж попить чаю.

Если ты откажешься, Нелли мне этого никогда не простит.

— Как поживает Нелли?

— Все так же мила, спасибо. В прошлом месяце наш врач ушел на покой. Мы общались с ним двадцать лет — расставание было печальным. Хотя и его преемник вроде понимает, что к чему в наших организмах. Впрочем, вообще неплохо иметь дело с человеком помоложе.

Брак Конрада и Нелли Акройдов оказался столь незыблем, что теперь уже мало кого беспокоило их взаимное несоответствие, и никто не развлекался досужими разговорами об альковной подоплеке этого союза. Внешне едва ли можно различаться сильнее, чем эти двое. Конрад — пухлый, низенький, смуглый, с горящими любопытными глазами, стремительно, как танцор, передвигающийся на маленьких проворных ножках. Нелли была как минимум на три дюйма выше, светлокожая, плоскогрудая, с безжизненными волосами, уложенными в виде двух наушников. В качестве хобби она собирала первые издания повестей для девочек школьного возраста, выходявших в двадцатые — тридцатые годы. Ее подборка Анжелы Бразилл считалась уникальной.

Их общей страстью был дом. А также сад, еда (Нелли великолепно готовила), две сиамские кошки и легкая ипохондрия Конрада, которой они вместе потакали. Акройд все еще издавал принадлежавшую ему «Патерностер ревью», которая славилась ядовитостью статей и обзоров, опубликованных в ней без подписи. В частной жизни добрейший из Джекилов, в своей издательской ипостаси он превращался в нераскаявшегося Хайда.

Некоторые из его друзей, добровольно взваливших на себя непосильный груз обязанностей и забот, а также отказавшихся от всех радостей жизни, кроме самых насущных, тем не менее находили время для дневного чаепития у Акройдов, в их изящной вилле в Суис-коттедж, с уютной

гостиной и непреходящей атмосферой всеобщего потакания. Время от времени к ним присоединялся и Дэлглиш. Еда была ритуалом, который будил воспоминания и не терпел суеты. Хрупкие чашки с большими ручками, тонкие куски черного хлеба, намазанные сливочным маслом, крошечные бутерброды с кружочками огурца и пирожные с фруктовой начинкой, выпеченные из домашнего легкого теста. Все это приносила пожилая служанка — настоящая находка для агента, занимающегося подбором актеров для «мыльной оперы» о жизни в эпоху короля Эдуарда. Вкус еды не обманывал ожиданий гостей. Посетителей постарше этот чай возвращал к временам не столь беспокойным, а у всех остальных ненадолго возникала иллюзия, будто порядок, разумность, покой и уют семейного очага Акройдов также присущи и миру вокруг. Хотя провести начало сегодняшнего вечера, сплетничая с Акройдами, значило бы проявить собственную слабость. И все-таки Дэлглиш видел, что будет непросто найти веский довод для отказа и везти друга в Хэмпстед ему придется.

— С удовольствием тебя подброшу, — сказал он, — но у меня, возможно, не получится остаться — если ты надолго.

— Не беспокойся, старина. Обратно я поймаю такси.

В течение нескольких минут Дэлглиш собрал необходимые бумаги, выслушал отчет секретарши обо всем, что произошло в его отсутствие, и вырулил из подземного гаража. Акройд стоял рядом с вращающейся вывеской и походил на послушного ребенка, ждущего, пока взрослые его заберут. Он аккуратно закутался в плащ и, удовлетворенно похрюкивая, влез в машину. После собственных беспомощных усилий Акройд разрешил себя пристегнуть. Они выехали на Бердкейдж-уок, и Конрад сказал:

— В прошлую субботу я видел тебя на Саут-банк. Ты стоял у окна второго уровня и смотрел на реку. С тобой была, позволь заметить, молодая женщина необыкновенной красоты.

— Зря не подошел. Я бы вас познакомил, — невозмутимо ответил Дэлглиш.

— Мне это приходило в голову, но я понял, что буду лишним. Поэтому я удовольствовался разглядыванием двух ваших профилей, интересуясь в первую очередь ею и проявляя любопытство, которое выходило за рамки приличий. Не ошибся ли я, заметив некоторую скованность? Или это правильнее назвать самообузданием?

Дэлглиш не ответил. Акройд посмотрел на его лицо, на чуткие руки, крепко сжавшие руль, и счел благоразумным сменить тему:

— Со сплетнями в «Ревю» я, можно сказать, завязал. Их стоит печатать, только если они свежи, достоверны и непристойны, — но тогда есть шанс нарваться на иск. Люди такие сутяжники! Однако я пытаюсь внести некоторое разнообразие в газету. Мой визит к Дюпейну связан как раз с этим. Я пишу серию статей, посвященных убийству как символу эпохи. Убийство как история общества, если тебе угодно. Нелли полагает, что это просто золотая жила. Она в восторге! В качестве примера возьмем самые нашумевшие убийства викторианской поры. Они не могли случиться ни в каком другом веке. Эти загроможденные гостиные, угрожающие приступом клаустрофобии, нарочитое соблюдение приличий, рабское положение женщины. А развод! Если жене удавалось найти для него основания (что само по себе было непросто), она становилась неприкасаемой. Неудивительно, что бедняжки принялись добывать мышьяк, вымачивая бумагу для ловли мух¹. Впрочем, те годы были еще простыми. А вот время между войнами гораздо интереснее. В музее Дюпейна отвели целую комнату под экспонаты, связанные с самыми нашумевшими убийствами двадцатых — тридцатых годов. Не в угоду

¹ В 1889 году миссис Флоренс Мэйбрик (1862–1941) была осуждена за отравление мужа мышьяком. Она вымачивала бумагу для ловли мух в раковине, чтобы добыть содержащийся в ней мышьяк.